

А. И. ГЕРЦЕН

Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года

Русская эстетика и критика 40--50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. -- М.: Искусство, 1982.-- (История эстетики в памятниках и документах).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Двадцать пять лет, которые следуют за 14 (26) декабря, труднее характеризовать, нежели весь истекший период со времени Петра I. Два противоположных течения, -- одно на поверхности, а другое в глубине, где его едва можно различить, -- приводят в замешательство наблюдателя. С виду Россия продолжала стоять на месте, даже, казалось, шла назад, но, в сущности, все принимало новый облик, вопросы становились все сложнее, а решения менее простыми.

На поверхности официальной России, "фасадной империи", видны были только потери, жестокая реакция, бесчеловечные преследования, усиление деспотизма. В окружении посредственностей, солдат для парадов, балтийских немцев и диких консерваторов, виден был Николай, подозрительный, холодный, упрямый, безжалостный, лишенный величия души, -- такая же посредственность, как и те, что его окружали. Сразу же под ним располагалось высшее общество, которое при первом ударе грома, разразившегося над его головой после 14 декабря, растеряло слабо усвоенные понятия о чести и достоинстве. Русская аристократия уже не оправилась в царствование Николая, пора ее цветения прошла; все, что было в ней благородного и великодушного, томилось в рудниках или в Сибири. А то, что оставалось или пользовалось расположением властелина, докатилось до той степени гнусности или раболепия, которая известна нам по картине этих нравов, нарисованной Кюстином¹.

Затем следовали гвардейские офицеры; прежде блестящие и образованные, они все больше превращались в отупелых унтеров. До 1825 года все, кто носил штатское платье, признавали превосходство эполет. Чтобы слыть *светским человеком*, надо было прослужить года два в гвардии или хотя бы в кавалерии. Офицеры являлись душою общества, героями праздников, балов, и, говоря правду, это предпочтение имело свои основания. Военные были более независимы и держались более достойно, чем пресмыкавшиеся, трусливые чиновники. Обстоятельства изменились, и гвардия разделила судьбу аристократии; лучшие из офицеров были сосланы, многие оставили службу, не в силах выносить грубый и наглый тон, введенный Николаем. Освободившиеся места поспешно заполнялись усердными служаками или столпами казармы и манежа. Офицеры упали в глазах общества, победил фрак, -- мундир преобладал лишь в провинциальных городишках да при дворе -- этой первой гауптвахте империи. Члены императорской фамилии, как и ее глава, высказывают военным подчеркнутое и недопустимое для царских особ предпочтение. Холодность публики к мундиру все же не заходила так далеко, чтобы допускать гражданских чиновников в общество. Даже в провинции к ним испытывали непреодолимое отвращение, что отнюдь не помешало росту влияния бюрократии. После 1825 года вся администрация, ранее аристократическая и невежественная, стала мелочной и искусной в крючкотворстве. Министерства превратились в конторы, их главы и высшие чиновники стали дельцами или писарями. По отношению к гражданской службе они являлись тем же, чем тупые служаки по отношению к гвардии. Большие знатоки всевозможных формальностей, холодные и нерассуждающие исполнители приказов свыше, они были преданы правительству из любви к лихоимству. Николаю нужны были такие офицеры и такие администраторы.

Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая и лишенная здравого смысла дисциплина в сочетании с бездушным формализмом австрийских налоговых чиновников -- таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая жалкая пошлость! Это самая простая и самая грубая форма деспотизма.

Добавим к сему и графа Бенкендорфа, шефа корпуса жандармов -- этой вооруженной инквизиции, полицейского масонства, имевшего во всех уголках империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев *слушающих и подслушивающих*, -- начальника III отделения канцелярии его величества (так именуется центральная контора шпионажа), который судит все, отменяет решения судов, вмешивается во все, а особенно в дела политических преступников. Время от времени перед лицо этого судилища-конторы приводили цивилизацию под видом какого-либо литератора или студента, которого ссылали или запирали в крепость и на месте которого вскоре появлялся другой.